

Турецкие военнопленные в России в 1812 г.

Б.П. Миловидов

Сравнительно новыми для отечественной историографии являются исследования пребывания иностранных военнопленных в России в XVIII—XIX веках. Применительно к XVIII в. можно назвать монографию Г.В. Шебалдиной о шведских военнопленных в России в годы Северной войны¹. Наиболее изучена в данном отношении эпоха Отечественной войны 1812 г. (труды В.А. Бессонова, А.И. Попова, В.Г. Сироткина, В.И. Тотфалушина)². Изучение пребывания военнопленных в России особенно интересно в антропологическом измерении: оно дает возможность составить представление о восприятии чужого или другого представителями различных слоев общества, носителями определенной культуры своей страны. Причем в случае с военнопленными ситуация обостряется тем, что чужой является не просто путешественником или живущим в России иностранцем, в определенной степени интегрированным в социальную структуру, но врагом, пусть и пленным. Поэтому вопрос о военнопленных лежит в плоскости еще одной важной темы — «человек на войне». В этой связи Е.С. Сенявская, исследовавшая психологию человека в войнах XX в., отмечает, что «в войне психологическая антитеза свой—чужой реализуется в крайне негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность и полное неприятие представителя иного государства, этноса, иной культуры; степень этого отторжения бывает весьма различной»³. Характер восприятия обществом и представителями государственной власти пленников — носителей иной культуры, религии и цивилизации, — степень их отторжения или наоборот преклонения перед ними, дают важный материал для характеристики гуманности и толерантности данного общества и государства, способности воспринимать и адаптировать опыт других народов.

Пожалуй, из всех военнопленных, захваченных Россией в ходе многочисленных войн XVIII—XIX вв., турки более всего отличались от подавляющей части населения Европейской России по своим культурным и религиозным традициям, были, так сказать, наиболее чужими. По данным Военного министерства в июле 1812 г. во внутренних губерниях Российской империи было 19 турецких пленных пашей и чиновников высших степеней (при них состояло в качестве свиты 169 чел.), 3239 чиновников (так в русских официальных документах называли турецких офицеров), 9 греков, 10 747 «простых турок» мужского пола, 893 женщины и 642 ребенка⁴.

Миловидов Борис Павлович — соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Положение турецких пленнх в Российской империи в 1812 г. регламентировалось высочайше утвержденным 26 апреля 1809 г. докладом военного министра А.А. Аракчеева. Согласно ему, пленные турки, взятые с оружием в руках, отправлялись в Слободско-Украинскую, Тамбовскую, Воронежскую губернии. Место пребывания пашей и чиновников высших степеней назначалось по высочайшему повелению. В пределах Российской империи пашам «меньших генеральских чинов» назначалось содержание по 2 руб. в сутки, турецким офицерам по 50 коп., а нижним чинам по 5 коп. и «провиант противу солдатских дач»⁵.

Мемуары европейцев, бывших в плену в России, позволяют достаточно полно представить их взаимоотношения с различными слоями российского общества. Воспользоваться мемуарными текстами пленнх турок пока возможности нет. В связи с этим основным источником являются делопроизводственные документы государственных учреждений, которые фиксировали информацию о взаимоотношении турецких пленнх и российского населения, как правило, в случае возникновения конфликтов или нарушения пленными порядка. Например, воронежский губернатор доносил 28 мая 1812 г., что из пленнх никто ни в чем дурном замешан не был, кроме Хасана Мегмета, который «находится в городе Землянске... во всегдашнем пьянстве, драках и других худых поступках, от чего полицейским распоряжением городничего удерживается»⁶. Тамбовский губернатор доносил управляющему Министерством полиции и главнокомандующему в Петербурге С.К. Вязмитинову, что пленные в губернии, находясь на полном государственном обеспечении, «живут в совершенной праздности, доводящей их до буйственного разврата», и предлагал определить их на казенные и частные работы⁷.

Конфликтные ситуации неизменно ярче выявляют одни характерные черты ментальности, стереотипы поведения и мировосприятия и нивелирует другие. Таким образом, надо иметь в виду, что мы имеем дело только с одной, «немирной» стороной взаимоотношений. Таких случаев, «обеспеченных» документально, не так уж много. Тем более важно их детальное исследование. Мы рассмотрим один из них — дело о драке турок и «мирных поселян», произошедшей в г. Валки Слободско-Украинской губернии в июле 1812 г., повлекшее за собой длительное расследование.

В Валках в июле 1812 г. находилось 229 турецких чиновников и 393 человека «простых турок»⁸. Первая информация о случившемся поступила к губернским властям от непосредственного участника событий — заседателя валковского уездного суда штабс-ротмистра Мельникова, который исправлял в тот момент и должность городничего. Он отправил донесение губернатору 18 июля, когда события еще не завершились. Согласно его изложению, они разворачивались следующим образом. 17 июля в 7 часов вечера, проезжая вместе с советником слободско-украинского губернского правления Мокренцом мимо почтового двора, Мельников увидел собравшихся «в разбойническом виде» военнопленнх турок. Оказалось, что майорша Булычева, ехавшая из Бухареста и остановившаяся в Валках, чтобы переменить лошадей, везла с собой двух «выкрешенных, взятых в плен молодых турецких девочек, нареченных при крещении Анною и Надеждою»⁹. Можно предположить, что их ожидала судьба экзотической прислуги, популярной в то время среди дворянства.

Пленные турки решили вступить за соотечественниц, требуя выдать их. Советник Мокронец приказал «чиновнику Ахмет-бею и переводчику Гусейну байрактару, чтоб оные собравшиеся турки разошлись, а о претензии их учинено будет надлежащее исследование и разбирательство». Однако турки, вопреки приказанию советника, «собрались более с азартным и необыкновенным видом». Наконец, пришел один из турецких чиновников Юсуф-бей, и «соглася всех оных собравшихся к бунту, ворвался самоуправно в азарте с чиновником же Ахмет-беем в почтовую избу, где были выкрешенные девочки, ухватили обеих и отдали в руки находящимся за избою собравшимся до 500 человек туркам». Турки учинили шум, драку и «начали дреколием воору-

жаться против всех тогда находившихся начальников, советника и разных чиновников и городских жителей, отчего учинился набат в колокола и барабанный бой, пошли все в квартиру Юсуф-бея, где просидели всю ночь с кольями и другими орудиями, отчего все жители города находились в самой опасности». В 5 часов утра 18 июля, по словам Мельникова, собравшиеся турки начали дрекольем бить городских жителей, убили на его глазах одного из них и «производя далее вооруженною рукою сильнее убийство, убили много как жителей, так и турков, каковая защита и ныне происходит от нападающих турков». В «защите» участвовали жители города и прилегающих селений, а также штатная инвалидная команда и 13 драгун Тираспольского полка¹⁰.

Об агрессивном поведении турок в плену, стремлении навязать свои нормы поведения говорит и еще один официальный документ. Курский гражданский губернатор доносил главнокомандующему в Санкт-Петербурге, что 12 июля 1812 г., когда партия пленнх турок, возвращавшихся на родину, двигалась из Харькова через Белгород, «во время базара турки производили женщинам наглость, а потом по обыкновению своему начали играть в ремешок, мешая базару». Им было приказано прекратить игру. В итоге озлобленные турки в количестве 200 человек бросились на жителей, «начавши их немилосердно бить». Драка была прекращена проходившим через город батальоном рекрут, а 8 зачинщиков арестованы. Причем во время драки один из турок так сильно ударил российского офицера, что тот не мог устоять и упал на землю¹¹.

Версия Мельникова о событиях в Валках в сокращенном виде была изложена в донесении слободско-украинского губернатора Вязмитинову. В нем сообщены и еще некоторые подробности, отягчающие вину турок: в частности, говорилось об угрозе со стороны турок поджечь город¹². Это был не единственный случай подобного рода обвинений в адрес турецких пленнх. Подозрение в этом страшном по своим последствиям преступлении — большинство городов России были деревянными — падало в первую очередь на чужаков, носителей другой культуры. В 1812 г. Комитет министров, например, заслушал и принял к сведению записку главнокомандующего в Петербурге о пленнх турках, подозреваемых в поджогах в г. Нижнедевицке Воронежской губернии¹³.

В донесении о происшествии в Валках губернатор сообщал также, что власти специально созывали окрестных поселян, а также указывал число жертв «несчастливого происшествия», о котором губернским властям стало известно уже после завершения трагических событий. У русских убито 4 человека, смертельно ранены 10, легкие ранения получили более сотни человек. А вот из 642 турок было убито 380 и взято под стражу 138, в том числе 16 раненых, остальные 124 разбежались¹⁴. При чтении этого донесения обращает на себя внимание прежде всего вопиющая несоразмерность потерь сторон. Приведенные цифры диссонируют со всем предыдущим изложением событий. Возникает вопрос, почему вооруженные, предельно агрессивные турки, между прочим люди военные, будучи к тому же обороняющейся стороной понесли так много жертв. Ситуацию отчасти объясняет второй рапорт губернатора, датированный 10 августа 1812 г., и написанный, вероятно, по запросу столичного начальства.

Губернатор сообщает, что «турки действительно произвели 18 числа драку, в коей быв побеждены превосходным числом, прячась по садам и лескам, были убиваемы ожесточенными обывателями». Вместе с этим донесением губернатор препроводил «ноту» «начальников» янычар по поводу случившегося, которую они требовали к тому же представить императору. Сопоставление этой «ноты» с донесениями русских властей позволяет понять некоторые механизмы, спровоцировавшие конфликт и способствовавшие его разрастанию. В ней говорилось, что одна из турчанок приняла кого-то из пленников за своего родственника и «со слезами просила взять их с собою». Турок этот, узнав, что она все еще мусульманка (как видим, религиозный момент, здесь

представлен чуть ли не как более важный, чем родственный или этнический), вынул ее вместе с подругой из кареты и отвел «на сбережение» в дом Юсуф-бея¹⁵. Религиозный фактор был важен и для российской стороны (Мельников, как сказано выше, обращал внимание на то, что девочки были крещеные), но, по-видимому, в меньшей степени, поскольку уже в первоначальном донесении губернатора Вязмитинову, этот аспект был опущен¹⁶.

Вернемся к «ноте» турок. Далее они попросили у явившегося городского начальства позволения оставить девушек у себя до решения губернатора, к которому предполагали послать нарочного¹⁷. Тут есть существенное отличие от версии, представленной российскими властями. Впрочем, и Мельников тоже предлагал туркам разобраться в ситуации. Как видим, обе стороны признавали необходимость и возможность мирного урегулирования конфликта путем обращения к высшему начальству, но турки требовали немедленного вмешательства, а русские власти настаивали на «надлежащем» разбирательстве, то есть на довольно длительной процедуре, что явно не устраивало турок. В этом несовпадении представлений о способе разрешения конфликта, по всей видимости, и лежит непосредственный толчок к обострению ситуации.

Вместе с тем, турки в своей «ноте» довольно верно и образно сформулировали и общую причину конфликта, лежащую в глубоких культурных различиях. Дипломатично отметив, что к происшедшему не причастен российский двор, они заявили, что виноваты во всем «единственно жители, обманувшиеся наружностью одежд (выделено мной. — Б.М.) и будучи влекомы корыстолюбием»¹⁸. В связи с последним обвинением нелишне заметить, что в результате конфликта в Белгороде местное население тоже не осталось в накладе. Турки на следующий день после драки заявили, что в суматохе у них пропали деньги и вещи на общую сумму в 1160 руб. и хотя «сделана была о том публикация», ни денег, ни вещей не было отыскано¹⁹. Вообще грабеж пленных, даже со стороны регулярных войск, не говоря уже о казаках и «мирных поселянах», не был в начале XIX столетия экстраординарным явлением, хотя виновные в нем и подлежали наказанию. Например, после занятия Вильны в декабре 1812 г., М.И. Кутузов писал императору Александру I: «Это правда, что большая их (пленных. — Б.М.) часть и наги и босы, но это обыкновенное действие войны, ибо они во время самого взятия их в плен обираются казаками и солдатами, от коих нельзя отнимать права сего, судя по собственному обхождению с нашими пленными неприятеля»²⁰.

Материалы проводившегося позднее расследования, хотя и трактовались подчас тенденциозно, но тем не менее позволяют уловить некоторые аспекты механизма разгорания конфликта. Обострению ситуации способствовали распространявшиеся среди населения слухи. Мельников в показаниях сообщает, что ночью пронесся слух, будто находящиеся в Богодухове турки двигаются на помощь соотечественникам. Это безусловно создавало напряженность в городе и послужило причиной сбора властями населения окрестных селений для отражения возможного нападения турок. С этого момента столкновение, по-видимому, стало почти неизбежным²¹.

Турки обвиняют в начале драки русскую сторону. «Но все было бесполезно, — пишут они, — и ожесточенные жители и солдаты бросились на турок, грабили убиваемых и раненых, и не удовольствуясь еще сим, побежав в соседственные поля, умертвили турок, кои спокойно в то время обрабатывали оные, не будучи участниками сего дела»²². Мельников в своем донесении, пишет, что бить горожан начали турки и даже одного человека убили²³. От кого исходила инициатива начала «сражения», на основании донесений губернатора и турецкой «ноты» однозначно сказать нельзя. Однако если бы 500 с лишним турок действительно были хорошо вооружены («нота» сообщает, естественно, что они были безоружные) и начали неожиданно бить обывателей, то жертв среди них было бы гораздо более.

В своих показаниях Мельников описывает события, непосредственно послужившие толчком к столкновению с жителями. Эти показания отлича-

ются от его лукавого донесения 18 июля, согласно которому турки ни с того ни с сего в 5 часов утра напали на жителей. Оказывается, что валковский исправник Бутович отправился уговаривать турок прекратить беспорядки, и предупредил их, что в противном случае они «останутся виновны». Беседа между чиновником и пленными протекала бурно, турки обступили Бутовича и в какой-то момент кто-то из толпы турок ударил исправника колом. Находившиеся рядом жители, которые наблюдали за происходящим, бросились «на оборону» русских чиновников, однако коллежский регистратор Данило Шмелев турками был «повержен ударами наземь полумертв», а крестьянин Петр Груба «убит до смерти». После этого возбужденные турки двинулись на площадь, а из окон квартиры Юсуф-бея началась стрельба. Тут начальство велело ударить в колокола и в барабаны, а сбежавшиеся жители по приказанию советника Мокренца «учинили сопротивление, но быв от турок побеждены и прогнаны».

Характерно, что несмотря на полное драматизма описание этих «боевых действий», новых жертв с обеих сторон не было. На счастье жителей через город проходила военная команда, которая, хотя и остановила турок выстрелами, но тем не менее офицер оказался сбитым с ног. Во тут-то жители, «ободрены будучи военными, разъярившись сильно, рассыпали турков, которые собираясь кучами, сражались, но везде были побеждаемы»²⁴. В довершение всего вновь разнесся панический слух, что партия турок из Богодухова движется на помощь взбунтовавшимся соотечественникам. Это произвело «вящую тревогу» и «не перестовали жители действовать противу турков, а турки противиться им, отчего последовало великое убийство»²⁵. Происшедшее дальше иллюстрирует следующий факт, фигурировавший на следствии, но оставшийся недоказанным. Отставной капитан Иван Абаза обвинил коллежского регистратора Демьяненко, будто он увидев за городом у мельницы трех турок, стал стрелять по ним, погнался за одним и ранил его. После этого за турками бросились шестеро мужиков, которые и «побили всех их до смерти»²⁶.

Несмотря на стремление русской стороны возложить вину за случившееся на пленных, даже русские следственные документы позволяют усомниться в этом; хотя турки достаточно твердо и последовательно отстаивали свою позицию, пытаясь навязать русской стороне свое понимание ситуации, степень их агрессивности преувеличивать не стоит. В этой связи вызывает некоторые сомнения и версия конфликта в Белгороде, поскольку даже Комитет министров, рассматривавший дело, посчитал виновным прежде всего конвой, плохо следивший за поведением пленников²⁷.

В отличие от полуправдивого донесения Мельникова и основанного на нем донесения губернатора Вязмитинову, турецкая «нота» прямо сообщает об избииении пленных, вовсе не причастных к конфликту, и в ней названа совершенно иная цифра убитых — не 380, а 538 человек. Отмечая, что едва ли следовало убивать такое количество людей из-за возмущения «двух или трех человек», турки указывают как на отягощающее вину русских обстоятельство, что они как «пленные, взятые в сражении по праву всех народов должны быть охраняемы от всего» и на то, что инцидент произошел уже «во время заключения мира»²⁸.

Материалы проводившегося расследования позволяют добавить еще несколько любопытных штрихов к характеристике взаимоотношений русских с военнопленными турками. К исходу 17 июня турки, по-видимому, поняли неизбежность столкновения. И тем любопытнее их поведение по отношению к жителям, от которых они во время пребывания в плену не были изолированы. Как и все пленные в России в XIX в., они размещались по квартирам обывателей на тех же основаниях, что и российские войска. Мельников в показаниях сообщал, что «некоторые турки ночью... приходили на квартиры остеречь хозяев своих и по небытию тогда самих хозяев в домах, сказывали хозяйкам, чтобы они спасали себя ибо де будет в городе пожар и убийство». В ходе следствия это подтвердили 30 женщин, которых турки предос-

терегали, чтобы они спасали детей, «ибо де будет косим голова и огонь». Вдова священника Евдокия Ольховская в частности показала, что квартировавший у нее турок Аббас, придя домой сказал: «мамо, наши турки вздумали дурно, много-много ту ночь будет жителям касим голова»²⁹. Таким образом, на уровне индивидуальных человеческих отношений, не отягощенных конфликтами и предрассудками, и стоящих вне рамок психологии толпы, турки вели себя вполне лояльно.

При сопоставлении документов ясен накал ситуации и предельно жесткая позиция сторон по отношению друг к другу. Возможно, играло роль и то, что среди пленных были и янычары — элита турецкой армии. Как следует из показаний Мельникова на следствии, турки заявляли, будто имели повеление «сделать бунт» от своего чиновника Юсуф-бея, который был убит. Протоиерей Василий Спесарев показал, будто один из турок говорил ему по-гречески, что пытался уговорить своих товарищей прекратить бунт, но безуспешно³⁰. Поведение же жителей помимо «наружности одежд» пленников обусловлено было и распространением панических слухов, чему невольно способствовали сами турки, преследовавшие совсем иные цели. Определенную роль сыграла и общая тревожная обстановка, связанная с вторжением наполеоновской армии в Россию, хотя преувеличивать роль этого фактора не стоит — в середине июля 1812 г. ситуация еще была далека от критической. Любопытно, что на следствии фигурировали данные, будто кем-то было выставлено «горячее вино... и напоены мужики, дабы бить турок». Уездный суд не принял их во внимание, впрочем, отметил в своем решении, что вино действительно выставлялось, но предназначалось для «примочки раненых» и было с уксусом³¹.

После завершения конфликта турки также проявляли завидную солидарность. Слободско-украинский гражданский губернатор доносил о заявлении начальника янычар, согласно которому ни он, ни его подчиненные не отправятся на родину до тех пор, пока 8 янычар, арестованных в Валках, не будут освобождены. Губернатор, полагая, что поскольку зачинщики конфликта убиты, а для остальных турок можно требовать наказания от их собственного правительства, предпочел освободить арестованных и отправить на родину вместе с остальными пленными. В свое оправдание он писал, что, запрос по начальству и разбирательство привели бы к остановке возвращения пленных, что было бы нарушением договора с Портой. Думается, однако, что основным мотивом его действий, побудившим принимать столь важное решение без консультаций с вышестоящими инстанциями, была вовсе не забота о соблюдении международных обязательств России, а желание поскорее избавиться от строптивых пленников. Комитету министров не оставалось ничего иного, как на заседании 5 ноября 1812 г. принять это к сведению, тем более, что стране приходилось тогда уже решать более серьезные проблемы³².

Расследование и судебное разбирательство происшествия в Валках дает информацию не только о самих событиях, но и о характере судебно-следственной системы в России и о поведении властей. Дело тянулось несколько лет и сопровождалось рядом нарушений законодательства. В частности, при передаче дела в уездный суд из него пропали 16 листов свидетельских показаний, а губернское правление в 1816 г. дважды подтверждало уездному суду необходимость срочного завершения дела, и даже оштрафовало суд за медлительность на 50 рублей³³. Наконец, 25 апреля 1816 г. валковский уездный суд вынес решение. Зачинщиками бунта были признаны турки, поэтому людей, которые «убийство туркам производили», виновными суд не считал. Удивительно, что в ходе расследования даже не было установлено, кто конкретно убивал турок. Следствие также не открыло, кто из жителей грабил турок, и у кого ныне находятся их вещи, «а потому таковой поступок предан воле Божией». Единственным же уличенным в грабеже обыватель Степан Гончаренко, отобравший у пленников 12 червонцев и часы (на следствии он утверждал, что пленный сам отдал ему часы), был прощен на основании манифеста от 30 августа 1814 года³⁴. Справедливости ради надо сказать, что часть вещей

пленных, которые остались в домах у жителей, была собрана властями и возвращена владельцам³⁵.

Не менее показательно и решение Слободско-украинской палаты уголовного суда от 28 ноября 1817 г., также признавшей виновниками в произошедшем турок. Палата не могла не отметить «несоразмерность в числе убитых между турками и жителями». Однако даже эти обстоятельства интерпретировали в пользу жителей. По мнению суда, массовое убийство турок могло произойти «единственно оттого, что жители, возмущенные наглым возмущением турок, сначала по чувству самообороны, а потом пришедши в ярость, производили неукротимое убийство». «Толпа простолюдинов, собранных из разных мест, видя происшедшее от турок возмущение, потрясенное спокойствие не только обывателей города, но и околичных одного селений, а потом и явную опасность в жизни, бросилась на них, и действием обороны вовлечена была наконец в сильное исступление мщения, простертое уже до самой жестокости». В своем решении палата цинично констатировала, что хотя «за великое убийство турок и жестокость» виновные и подлежат наказанию, но поскольку они не установлены, то «сие обстоятельство как и самый случай означенного несчастного происшествия [следует] придать суду воли Божьей». Впрочем, даже палата нашла в действиях уездного суда ряд упущений, строжайше предписав ему исполнять свои функции «с лучшим рвением»³⁶.

В июне 1818 г. дело рассматривалось в Сенате. А 23 июня 1819 г. Государственный совет «по переменявшимся в семь лет обстоятельствам и по уважению к самому времени, в котором находилось государство в июле месяце 1812 г.» признал всякое доследование бесполезным. Важнейшим вопросом, оставшимся без ответа, Государственный совет счел вопрос о грабеже пленными со стороны местных жителей. Впрочем, даже если бы эти факты были доказаны, по мнению членов высшего законосовещательного учреждения империи, «предлежал бы еще вопрос, грабеж ли сие составляет или добычу крестьян, жертвовавших жизнью для прекращения бунта». В итоге Госсовет утвердил решение 6-го департамента Сената, согласившегося с выводами судебной палаты³⁷.

В ходе конфликта турецкие пленники вели себя весьма консолидировано и сплоченно, они в значительной степени сами спровоцировали его, пытаясь навязать «принимающей стороне» свою интерпретацию ситуации и способы ее разрешения. Предельно жесткой была и реакция местного населения на поведение турок, неадекватное статусу пленников. Впрочем, несмотря на остроту конфликта, отношения на индивидуальном, межличностном уровне между турками и их квартирохозяевами оставались вполне доверительными. В целом же, факторы, которые вели к эскалации конфликта, оказались сильнее, чем те, которые могли способствовать его мирному решению. Тенденциозность и предвзятость в унисон с реакцией жителей Валков также проявили в ходе расследования и судебного разбирательства и представители государственной власти. Вина за все происшествие была возложена на турок. Никто из убийц не был обнаружен, хотя в избииении пленными принимали участие, по-видимому, несколько сотен человек. Очевидные факты грабежа пленными, хотя фактически и признавались всеми судебными инстанциями, но не были должным образом расследованы, а виновники наказаны. Более того, Государственный совет поставил под сомнение сам факт преступности подобных действий.

Примечания

1. ШЕБАЛДИНА Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М. 2005.
2. БЕССОНОВ В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812—1814 гг. — Эпоха 1812 года. Исследования. Историография. Вып. IV. 2005, с. 49—80; подробнее библиографию по пленным эпохи 1812 г. см.: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. 2004, с. 137—139.
3. СЕНЯВСКАЯ Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М. 1999, с. 66.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1, оп. 1, л. 2654, л. 4.

5. Там же, д. 2113, л. 5—8.
6. Там же, д. 2116, л. 639.
7. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802—1826. Т. 2. СПб. 1891, с. 462.
8. РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2654, л. 2об.
9. Бумаги, относящиеся до войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 7 М. 1903, с. 126.
10. Там же.
11. РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2654, л. 51.
12. Журналы Комитета министров, с. 590.
13. Там же, с. 686.
14. Там же, с. 590.
15. Там же, с. 590—591.
16. Там же, с. 590.
17. Там же, с. 591.
18. Там же.
19. РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2654, л. 51; Журналы Комитета министров, с. 592.
20. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 10. СПб. 1899, с. 147.
21. Бумаги, относящиеся до войны 1812 г. ..., с. 127.
22. Журналы Комитета министров, с. 591.
23. Бумаги, относящиеся до войны 1812 г. ..., с. 126.
24. Там же, с. 128.
25. Там же.
26. Там же, с. 131.
27. Журналы Комитета министров, с. 592.
28. Там же, с. 591.
29. Бумаги, относящиеся до войны 1812 г. ..., с. 128, 129, 130.
30. Там же, с. 129.
31. Там же, с. 133.
32. Журналы Комитета министров, с. 611.
33. Бумаги, относящиеся до войны 1812 г. ..., с. 132.
34. Там же, с. 133.
35. Там же, с. 129, 132.
36. Там же, с. 133—134.
37. Там же, с. 135.